

М. А. ЛАППО
г. Новосибирск, Россия

УДК 81`42:821.161.1-1(Шаламов В.)

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РЕЦИПИЕНТА И ГЛУБИНЫ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье представлена методика операциональной оценки уровня (глубины) понимания художественного текста, основанной на теории типов информации И. Р. Гальперина. Так, выявление содержательно-фактуальной информации является первым по сложности уровнем понимания текста, определение содержательно-концептуальной информации относится ко второму уровню и описание содержательно-подтекстовой информации, опирающейся на первых двух типах информации, оценивается как третий уровень сложности. Описаны результаты экспериментальной работы по лингвистическому анализу текста группой студентов: отмечены ведущие языковые явления поэзии В. Шаламова, затрудняющие понимание его произведений (текстообразующая метафора, позволяющая выявить различные варианты распознавания ее смысла, референциальная неоднозначность местоимений Я–ТЫ); определена специфика уровней понимания текста и их соотношение с результатами теста М. Рокича на ранжирование ценностных ориентаций.

Ключевые слова: поэтический текст, лингвистический анализ текста, ценностные ориентации, глубина понимания текста, В. Шаламов.

Понимание художественного произведения (шире – всякого текста) зависит от целого ряда константных и переменных факторов: читательского опыта, уровня интеллекта, образования, мотивации, возраста, социальной направленности личности, эмоционального состояния и др. Аспекты взаимосвязи отдельных параметров были изучены, например, в работах Г. И. Богина о понимании и уровне рефлексии [Богин 2000], Е. В. Олейниковой о влиянии стиля учения на понимание

школьниками учебных текстов [Олейникова 2009], Л. О. Бутаковой о восприятии и понимании официально-деловых текстов профессионалами [Бутова 2014].

Гипотеза данного исследования опиралась на положение Л. Г. Бабенко о том, что в художественном тексте реализуется «концепция автора, созданная его творческим воображением индивидуальная картина мира», и интерпретируемая читателем «в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [Бабенко 2004: 46]. Не вызывает сомнений, что ценностные предпочтения читателя (реципиента), будучи неотъемлемым компонентом картины мира, оказывают значимое влияние на результат понимания текста.

В эксперименте, направленном на подтверждение заявленной гипотезы, приняли участие 40 студентов-заочников Новосибирского государственного педагогического университета, обучающихся по направлению «Начальное педагогическое образование». В рамках освоения дисциплины «Лингвистический анализ текста» студенты выполняли задание, фиксирующее их уровень (глубину) понимания художественного текста. Работа по лингвистическому анализу текста была соотнесена с результатами психологического теста, отражающего ценностные ориентации студентов.

Оптимальную базу для учебного анализа художественного текста представляет концепция типов текстовой информации И. Р. Гальперина [Гальперин 1981]. Считывание определенных типов текстовой информации соотносится, по нашему мнению, с уровнем понимания текста. Так, анализ содержательно-фактуальной информации в тексте, то есть определение тематической сферы текста, героя, перечисление его действий и их качественных и обстоятельственных параметров, является элементарным, первым уровнем понимания.

Следующим по сложности является анализ содержательно-концептуальной информации в тексте. Смысловая доминанта, авторский замысел текста выявляется путем наблюдения за двумя способами формирования смысла: а) повтором, скоплением языковых единиц, выражающих определенные смыслы, б) актуализацией, выдвижением необычных элементов для языка

или анализируемого текста, например, окказиональных слов, авторских метафор, любого другого нетипичного использования языка. Различаются контактный и дистантный повторы языковых единиц, полный или частичный лексико-семантический повтор, тематический, синонимический, антонимический, дейктический, синтаксический и другие разновидности повторов (см. работы В. Г. Гака [1972], Н. А. Змиевской [1978], И. Р. Гальперина [1981], С. Г. Вирячевой [1991], Л. Г. Бабенко [2004] и др.). Анализ аномальных речевых употреблений, формирующих смысл текста, см., например, в продолжающейся коллективной монографии «Лингвистика креатива» под ред. Т.А. Гридиной [2009/2013 и др.]. Выявление как повторяющихся единиц разных уровней языковой системы, так и элементов авторского, творческого отношения к языку требует сформированных навыков лингвистического анализа и достаточное владение языковой системой. Последнее становится актуальным и в связи с тем, что автор художественного текста сам способен проявить незаурядную лингвистическую рефлекссию. Б. Ю. Норман приводит пример стихотворения В. Шаламова «Из окон своей квартиры...», в котором поэтически осмысливается категория числа (*Нам все равно – листы ли, листья, – Как называется предмет, каким – не только для лингвистов – Дышать осмелелся поэт*) [Норман 2012: 190].

Исследование содержательно-подтекстовой информации предполагает обращение к ассоциациям и коннотациям использованных языковых единиц в тексте. Сложность данного уровня понимания текста определяется тем, что личностное, субъективное прочтение текста не должно являться спонтанным, оно тесно связано с анализом содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации в тексте, вытекает из них. Подобная установка заставляет читателя не ассоциировать текст со своей картиной мира, а наоборот, встраивать «свою жизнь» в его эстетическое и концептуальное пространство. Однако на практике последнее зачастую не осуществляется, а описание содержательно-подтекстовой информации текста является вариантом понимания, читательской интерпретацией, обусловленной его опытом, знаниями, ценностями. Такой способ выяв-

ления смысла относим ко второму по сложности уровню понимания текста, а выявление смысловой доминанты путем анализа повторяющихся, копящихся семантически нагруженных единиц или, наоборот, выявление окказиональных речевых явлений отнесем к третьему уровню.

Изучение специфики понимания художественного текста проводилось нами на материале лирических произведений Варлама Шаламова, представленных в сборнике «Дорога и судьба» (М.: Советский писатель, 1967). Все произведения данной книги можно отнести к философской лирике: стихи передают нерасторжимое единство человека и природы, хрупкости и глубинного смысла человеческого существования, многие тексты отражают идею труда поэта, его творческого самоопределения.

Отождествление мира человека и мира природы представлено разными языковыми способами и средствами: сравнительным оборотом (*Кровь солона, как вода океана; Любой летящий лист Тревожен, как листовка*), антропоморфной метафорой (*Ведь океан – это свежая рана, Рана на теле земли; Я знал деревьев добродушный нрав*), биоморфной метафорой (*Помним ли мы, что в подводных глубинах **Кровь у людей – зелена; В жилах, наполненных влагой соленой, Мерных ударов толчки, Бьет океан своей силой зеленой Пульсом прилива – в виски***).

Рецензент поэтического сборника Г. Г. Красухин назвал подобное употребление языка антропоморфизмом: «Пантеизм Пастернака хотя и дает знать себя в некоторых стихах В. Шаламова, все же не является особенностью его поэзии. Для характеристики этой особенности нам придется употребить слово: антропоморфизм» [Красухин 1969: 181]. В. Шаламов, вступая в спор с рецензентом, говорит: «Моя же формула гораздо сложнее – она объединяет понимание природы и судьбу. <...> Одна из поэтических истин, найденная мной, – это наблюдение, что в мире нет таких явлений физического, духовного, общественного, нравственного мира, которые не могли бы быть отражены стихами» [Шаламов 2005: 111–112].

Действительно, следует отметить взаимную образную направленность: и элементы природы (деревья, водоемы) уподобляются человеку, и человек – природе. При буквальном пони-

мании текста читатели не способны расшифровать данное отождествление и осуществить перенос с мира природы на коллизии человеческого бытия. Так, смысл стихотворения «Я думаю все время об одном...» обозначается только как ситуация «срубили дерево», а семантические знаки, направляющие на понимание ситуации как гибели человека, не считываются. Данными знаками в тексте являются, во-первых, нетипичная лексическая сочетаемость в строчках *Я думаю все время об одном – Убили тополь под моим окном* и *Я знал деревьев добродушный нрав* поскольку лексемы *убить* и *нрав* в русском языке относятся либо к одушевленным существам, либо абстрактным понятиям; во-вторых, в строчке [*я знал*] *Неоспоримость всяких птичьих нрав* актуализируется как и значение идиомы «на птичьих правах»¹, так и буквальное понимание данного словосочетания.

В поэтическом мире В. Шаламова неодушевленное (мир природы) получает двойное поэтапное сравнение: неживое вначале одушевляется через олицетворение, а затем наделяется признаками машины, точнее говоря, оно сам себя наделяет (например, *Ручей мнит себя самолетом, А русло – дорожка для взлета* в стихотворении «Горный водопад»). Поэт закрепляет априорное равенство человека и природы, ставя в один ряд родственные элементы – человека, звезды, облака реку, птицу, луну (*Ведь мы не просто дети Земли, – Тогда бы жить на свете Мы не могли. В родстве с любим – и звезды, И облака, Необходимая, как воздух, Река. И в горле – песни птичьей Подчас тона, И кажется сугубо личной Луна*). Преклонение перед природой объясняется ее совершенством (*У деревьев нет уродов. У зверей уродов нет, Безупречна птиц порода, Соразмерен их скелет*).

Стихи о назначении поэта, о специфике поэтического труда встраиваются в концепцию единства с природой. Так, в стихотворении «Раковина» поэт сравнивается с *окаменевшей жемчужиной с окаменевшими стихами*, с *хрупкой раковиной былого высохшего моря*, в стихотворении «Кристаллы» стихи отожде-

¹ *На птичьих правах* (быть, жить и т. п.) (шутл.) – не имея прочного положения, прав, обеспечения и т. п. (МАС).

ствляются со снегом, снежинками (*Снег падает устало, Снежинки давят плечи, Стихи – это кристаллы, Кристаллы нашей речи*). Пространством поэтической деятельности обозначены чащоба, лес в стихотворениях «Куда идут пути-дороги!..» (*Зачем мне хочется сейчас, Не вытирая вовсе ноги, Войти в чащобу, не стучась. В тот лес, пейзажами набитый И птичьей грубой воркотней...*) и «Жест» (*Там в лесу меня всякий поймет. Речь, как птица, сидит на руке. Взмах ладони и смелый полет – Лгать нельзя на таком языке*). Поэтическим кредо В. Шаламова можно назвать стихотворение «Я вовсе не бежал в природу...», требующее серьезного читательского навыка для его понимания (*Я вовсе не бежал в природу, Наоборот – Я звезды вызвал с небосвода, Привел в народ. И в рамках театральных правил И для людей В игре участвовать заставил Лес-лицедей*).

Искаженным метафизическим пространством поэтического творчества для В. Шаламова оказывается отождествление с боевыми действиями, как, например, в стихотворении «Прямой наводкой» (*Тороплюсь, потому что старею, Нынче время меня не ждет, Поэтическую батарею Я выкатываю вперед*). В то же время в «Стихах в честь сосны» можно увидеть гармоничное соединение мира леса и борьбы (*Меня [сосна] за плечи обняла, И снова к бою подняла, И новый выточила меч, И возвратила гнев и речь*). Кроме этого, поэтическая работа и – шире – жизнь поэта соотносена с ремонтом, как например, в стихотворении «От кухни до передней...», где ключом к распознаванию указанного смысла становится посвящение Б. Пастернаку и синтаксическое сближение с темой творчества (*И плотничьи заплаты На рубище певца...*).

Помимо оригинальной метафорики В. Шаламову присуще специфическое использование местоименной парадигмы Я – ТЫ/ВЫ, маркирующей диалогические отношения в его поэтической картине мира. Местоимение Я в преимущественно обозначает Поэта (см. стихотворения «Я вовсе не бежал в природу...», «Раковина», «Не удержал усилием пера...», «Тропа», «Прямой наводкой» и др.). Посредством местоимения ТЫ автор обращается к Поэзии (*Ты ведешь мою душу Через море и сушу...; Ты отводишь от пули Ты приводишь июли Вместо вечных моих де-*

кабрей), рифму (*Ты – провиденье Гомера, Трубадуровы весы, Принудительная мера Поэтической красоты; Ты – рефлекс прикосновенья, Ощущенья напоказ*), Поэта (*Не спеши увеличить запас Занесенных в тетрадь впечатлений, Не лови ускользающих фраз И пустых не веди наблюдений; Ты должен вечно видеть Чужих страданий свет, Любить и ненавидеть За всех людей, поэт*). Распознавание референтов Я и ТЫ в некоторых случаях требует от читателя серьезных интеллектуальных усилий и свидетельствует о глубоком понимании текста В. Шаламова.

Анализ студенческих работ, содержащих лингвистический анализ поэтических произведений В. Шаламова, позволил уточнить соотношение выявляемых типов текстовой информации и уровней сложности. Так, к первому, самому низкому, примитивному уровню понимания текста мы отнесли считывание содержательно-фактуальной информации, т. е. определение поэтической, художественной фабулы. См. приведенное выше буквальное понимание стихотворения «Я думаю все время об одном...».

Ко второму уровню понимания текста относится описание содержательно-подтекстовой информации, в котором преобладает обращение к собственным, читательским ассоциациям и коннотациям использованных языковых единиц. Так, например, анализируя стихотворение «Поэзии», реципиент, игнорирует заданный заглавием текста смысл: «Автор произведения, как мне кажется, раскрывает тему смысла жизни. Основной мыслью является немудреный секрет бытия».

Третий (высокий) уровень понимания фиксировался в случае определения смысловой доминанты текста и аргументации путем привлечения лингвистической терминологии, а в данном случае – понимания авторских метафор, концептуального выбора местоименной парадигмы и других средств словесной выразительности.

Изучение ценностей респондентов производилось по известной методике М. Рокича, адаптированной на русском языке А. Гоштаутасом, А. А. Семеновым и В. А. Ядовым (описание методики см. в работе Д. А. Леонтьева [1992]). Испытуемые должны были приписать ранги двум заданным наборам ценно-

стей – терминальных и инструментальных. Терминальные, или абсолютные, ценности представляют собой то, чего можно добиться в жизни (*активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, здоровье, интересная работа, красота природы и искусства, любовь, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, познание, продуктивная жизнь, развитие, развлечения, свобода, счастливая семейная жизнь, счастье других, творчество, уверенность в себе*), а инструментальные, или операциональные, – личностные черты, помогающие добиться тех или иных целей (*аккуратность, воспитанность, высокие запросы, жизнерадостность, исполнительность, независимость, непримиримость к недостаткам в себе и других, образованность, ответственность, рационализм, самоконтроль, смелость в отстаиваниях своего мнения, твердая воля, терпимость, широта взглядов, честность, эффективность в делах, чуткость*).

Результаты тестирования ценностей показали, что независимо от уровня анализа художественного текста, глубины его понимания, указанная группа респондентов, будущие или работающие учителя начальных классов, среди терминальных ценностей на первое место выдвигала конкретные (*семья, работа, здоровье*), а не абстрактные цели (*свобода, развитие, познание*). Анализ инструментальных ценностей выявил важность для этой группы конформистских целей (*дисциплинированность, самоконтроль, ответственность*) и невысокий/средний уровень индивидуальной реализации (*независимость, воля, высокие запросы*). Наиболее показательным оказалось соотношение ценностей межличностного общения (*воспитанность, жизнерадостность, чуткость*) и ценностей профессиональной самореализации (*ответственность, эффективность в делах, твердая воля, исполнительность*) среди терминальных, а также ценностей профессиональной самореализации (*ответственность, эффективность в делах, твердая воля, исполнительность*) и непосредственно-эмоционального мироощущения (*жизнерадостность, честность, чуткость*) среди инструментальных ценностей. Существенные отличия в выборе ценностей были отмечены у респондентов, анализ художественного текста которых был

оценен как средний (второй уровень), по сравнению с респондентами, отнесенными нами к первому и второму уровню (см. рис. 1 и рис. 2). Стоит отметить, что количество респондентов второй группы преобладает над количеством в других группах (1 уровень – 24%, второй уровень – 48%, третий уровень – 28%), что свидетельствует о наибольшей адаптивности интерпретаторов среднего уровня.

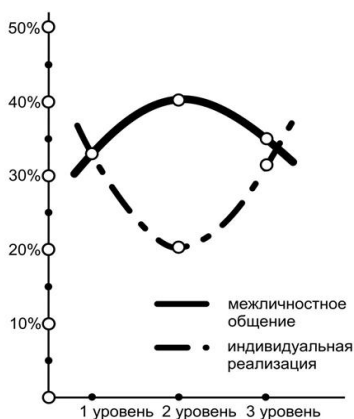

Рис. 1. Терминальные ценности

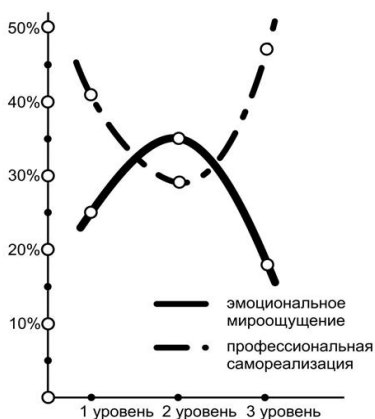

Рис. 2. Инструментальные ценности

Различие ценностных ориентаций первой и третьей групп в данной выборке не проявилось, кроме пониженной важности эмоционального мироощущения для респондентов, интерпретирующих текст максимально хорошо. Очевидно, что способность к отстранению от своих эмоций позволяет читателям глубже погрузиться в художественный текст, в его авторский замысел. В ранжировании терминальных ценностей у респондентов, чьи интерпретации текстов были отнесены ко второму уровню, высокий статус был приписан ценностям межличностного общения (1 уровень – 33%, второй уровень – 40%, третий уровень – 35%), а низкий статус – ценностям индивидуальной реализации (1 уровень – 33%, второй уровень – 20%, третий уровень – 35%). В ранжировании инструментальных ценностей респон-

денты второй группы ценностям эмоционального мироощущения приписали высокий статус (1 уровень – 25%, второй уровень – 35%, третий уровень – 18%), в то же время ниже других групп оценивали профессиональную самореализацию (1 уровень – 33%, второй уровень – 20%, третий уровень – 31,5%). Сочетание важности межличностного общения и непосредственно-эмоционального мироощущения заставляет в процессе распознавания сложного авторского замысла выдвигать на первый план личные ассоциации и коннотативный потенциал языковых знаков.

Литература

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М., 2004.

Богин Г. И. Рефлексия как условие усмотрения художественной идеи // Взаимодействие музыки с другими искусствами. – Челябинск, 2000.

Бутакова Л. О. Психолингвистическое моделирование процессов восприятия и понимания официально-деловых текстов профессионалами // Вестник Омского ун-та. 2014. № 4.

Вирячева С. Г. Межчастеречные лексические парадигмы в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1991.

Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии / Под ред. В. Г. Гака. – М., 1972.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

Змиевская Н. А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978.

Красухин Г. Г. Человек и природа // Сибирские огни. 1969. № 1.

Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. – М., 1992.

Лингвистика креатива / отв. ред. Т. А. Гридина. - 2-е изд. – Екатеринбург, 2013.

Норман Б. Ю. Лингвистика поэзии: прозрения и заблуждения // Лингвистика креатива / отв. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2012.

Олейникова Е. В. Влияние стиля учения на понимание школьниками учебных текстов // Вестник Санкт-петербургского ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 2-2.

Шаламов В. Т. Кое-что о моих стихах // В. Т. Шаламов. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. – М., 2005.

©Лаппо М. А., 2019